

Александр Прокудин

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

КОМБИНАЦИЯ БРУНО

КИНОДЕТЕКТИВ

Александр Прокудин
КОМБИНАЦИЯ БРУНО

«Автор»

2017

Прокудин А.

КОМБИНАЦИЯ БРУНО / А. Прокудин — «Автор», 2017

Легендарный голливудский кинопродюсер, дела у которого в последнее время идут из рук вон плохо, решается на головокружительную криминальную аферу. В расставленные им ловушки попадают все без исключения. Но даже самый продуманный план не застрахован от случайностей, способных повернуть ход событий в совершенно иную сторону. Читатель знакомится сразу с тремя историями - каждая из которых самостоятельный детектив. Переплетаясь в единую канву, события, изложенные в них, делают знакомство с "Комбинацией Бруно" незабываемым. Содержит нецензурную брань.

© Прокудин А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1. Встреча	5
Глава 2. Знакомство	10
Глава 3. Рассказ первый	13
МАРК НОВАК, «МОЯ ЛЮБИМАЯ НЕЛЛИ»	13
Глава 4. Обсуждение первое	18
Глава 5. Рассказ второй	20
АРТУР МАРТИН, «В САНТА-МОНИКЕ ВСЕ ЛЮБЯТ ГИЛЬБЕРМО»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Прокудин

КОМБИНАЦИЯ БРУНО

Глава 1. Встреча

Промаяхнуться мимо огромного особняка, видного почти с любой точки побережья, казалось невозможным, но моему таксисту удалось сделать это несколько раз подряд. Лишних двадцать минут мы колесили в поисках поворота к «Облаку» – знаменитому «творческому бунгало» Феликса Бруно. Рабочему убежищу человека, чье имя, силой вложенного в него таланта, навеки впечатано во все возможные кинематографические справочники и каталоги. Продюсера едва ли не половины всех кинохитов начала 21-го века. Всех настоящих кинохитов, я имею в виду.

Но Алихмету Шахи, как значилось на карточке в углу лобового стекла моего такси, это было совершенно по барабану. Он понятия не имел, о ком идет речь, и рулил безо всякого пиетета, тупо, по допотопному навигатору, неизвестно когда в последний раз обновлявшему дорожные карты. Я же, признаюсь, с каждой секундой нервничал все больше. Меня, 25-летнего сценариста (что по возрастной шкале задействованных в кино профессий следует читать, как «эмбрион» или «зародыш») ждала встреча с самим Бруно! Которую, к тому же, он назначил мне собственной персоной, по своему собственному желанию.

Всего несколько недель назад о подобном я не посмел бы и мечтать. Рядовой журналист-газетчик, вечерами после основной работы пишуший что-то, что отказываются публиковать даже в его собственном издании. Кто рассматривает таких людей всерьез? Очень многое должно было произойти, чтобы мой рассказ хотя бы просто попал Бруно на глаза. И уж тем более я не мог ожидать, что моя писанина обратит на себя такое внимание. С той поры произошло довольно много событий, подробно останавливаться на которых сейчас нет причины, но в итоге – я кружу вокруг особняка знаменитого на весь мир продюсера, чтобы совершить с ним, вероятно, самую важную сделку своей жизни!

И опаздываю при этом на целых двадцать минут. Спасибо тебе, Али! Бьюсь об заклад, ты еще поимеешь наглость протянуть мне свою визитку, чтобы, в случае чего, я воспользовался именно твоими услугами.

Мы, наконец, нашли нужный поворот и Алихмет высадил меня перед массивными, декорированными витым чугуном воротами на автоматическом управлении.

Нажав кнопку переговорного устройства, я приготовился назвать имя и цель визита, но, оказалось, домофону они не были интересны. Не задавая вопросов, он первым просипел нечто пригласительное, после чего тяжелые створки с щелчком приоткрылись. Примерно на четверть дюйма. На языке, которым шоу-бизнес говорит с новичками, это значило что-то вроде: «Добро пожаловать! Протискивайся! Если рассчитываешь на что-то всерьез, придется поработать локтями».

Я прошел по недлинной пышной тропической аллее, обогнул яркую, идеально ухоженную подъездную клумбу и через распахнутые стеклянные двери парадного входа вошел в нижний холл особняка. Похожий на внушительные вестибюли солидных пятизвездочных отелей, но в отличие от них, кишасших разнообразными постояльцами, абсолютно пустой. Внутри, как и снаружи, не было ни души.

Не зная, куда идти дальше, я осматривался по сторонам, в поисках того, кто открыл мне ворота. Вверх, на второй этаж, вела большая центральная лестница, устеленная темно-бордовым ковром, прибитым латунными планками к изгибам мраморных ступенек. Коридор первого этажа, полукругом лежащий под лестницей, разбежался от нее в правую и левую стороны и ухо-

дил за повороты стен. Я сделал пару шагов вглубь холла, чтобы заглянуть за них. Неожиданно, я не сразу понял, откуда, раздался искаженный акустикой просторного помещения голос:

– Пришел? Поднимайся в кабинет!

Чуть не бегом я метнулся к ступенькам, ведущим на второй этаж. Но в начале лестницы, использовав солидный запас силы воли, все же остановился, чтобы взять себя в руки. Перевел дыхание и дальше пошел быстрым, но уже намного более спокойным шагом. Несмотря на безграничное уважение, вызываемое у меня профессиональными заслугами Феликса Бруно, на сегодняшних переговорах я собирался держаться с максимальным достоинством. И даже (представьте себе!) выдвигать свои условия. У меня, как я самонадеянно полагал, были на то основания.

В кабинете больше похожем на заставленное дизайнерской мебелью футбольное поле, к своему удивлению, я тоже никого не обнаружил. И, растерянно озираясь, остановился на пороге. Растерянность, впрочем, быстро уступила место восхищению.

Рабочий кабинет Феликса Бруно выглядел ошеломляюще. Панорамное окно во всю внешнюю стену, выходящее на океан широкой дугой, было изогнуто таким образом, чтобы можно было наблюдать за солнцем в течение всего дня, практически в любой точке эклиптики. Я вспомнил, что читал об этом в журналах, описывающих жизнь и быт знаменитостей. Огромных размеров стол для рабочих заседаний, вытянутый, овальный, с толстой стеклянной поверхностью по всему периметру, окружали роскошные белые кресла с высокими прямоугольными спинками. Аквариум, внутри которого могла бы незаметно существовать Атлантида, расположился у дальней стены. Справа от входных дверей находился огромный бар со стойкой и камином, занимающий целую треть от противоположной окну стены. Под ногами стелился бесконечный ковер – в тон бежевой софе, вытянувшейся рядом с баром грациозной царапающей высокий ворс ковра кошкой. Огромный письменный стол темного цвета и, расположившиеся позади него стеллажи с многочисленными папками для документов и прочей канцелярской и сувенирной дребеденью, занимали остальное пространство.

Завершали маршрут, по которому продвигался мой замороженный взгляд, развешанные по стенам большущие фотографии в застекленных рамках. Немногочисленные. Общеизвестным был тот факт, что Феликс не любил ни фотографироваться, ни сниматься на видео, предпочитая всегда быть по другую сторону камер. Однако «быть в тени» все время в продюсерском бизнесе – невозможно. Несколько особо удачных фото, которые нравились ему самому, кочевали из журнала в журнал, когда Бруно давал свои редкие интервью по поводу очередных сногшибательных успехов. Самым известным был снимок с Венецианского кинофестиваля: в карнавальной маске, с поднятой вверх правой рукой. Это фото неоднократно перепечатывала пресса, уж очень ярким на нем получился у Бруно победный жест. Эффект усиливала известная всему миру татуировка: вьющаяся вокруг правого запястья Бруно лента – с надписью «Вечность – это любовь».

Не испытывать благоговения в этом кабинете, имея хоть какое-то отношение к кино и к профессиям его обслуживающим, было невозможно. Здесь принимались великие, гениальные решения по сценарным коллизиям множества будущих шедевров и заключались легендарные киноделки, по праву с течением времени вошедшие во все существующие учебники искусства придумывать и снимать кино.

Зачарованно разглядывая детали, я едва не забыл, с какой целью с таким трудом сюда добрался. Мое оцепенение нарушил все тот же голос, пригласивший меня наверх. Властный и четкий. Недовольный. Раздавшийся откуда-то совсем рядом:

– Ты позволил себе опоздать. Я должен быть тебе благодарен за то, что ты вообще явился?

Голос шел со стороны письменного стола. Его высокое черное кресло было развернуто к окну, и, оказывается, полностью скрывало за своей спинкой сидящего в нем человека. От того я и не заметил сразу, что в кабинете кто-то есть.

– Нет, что вы! – ответил я поспешно. – Я прошу прощения. Таксист перепутал... Мне очень неловко. Поверьте ...

– Ладно, ладно, забудь. Извинения ни к чему. Добро пожаловать.

Кресло повернулось, и я встретился глазами с умным, проницательным взглядом человека, определенно знающего цену всем вещам и людям в этом мире. Мне, разумеется, в том числе. Молодому, начинающему писаке, у которого к 25 годам, возможно, впервые получилось что-то похожее на настоящий, достойный внимания рассказ.

Говоривший покопался в бумагах на столе.

– Напомни, кто ты? – вопрос прозвучал неприятно.

– Я? Марк Новак.

Он выудил из папок, лежащих на столе, экземпляр моей работы. Прочитал вслух с титульного листа.

– Новак. «Моя любимая Нелли», – потер переносицу. – Ага, ага. Вспомнил...

Он откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы рук и разместив их внизу живота. Хмурым взглядом просканировал меня от волосков на макушке до самой кроссовочной подошвы. Клянусь, мне показалось, что у меня даже вывернулись карманы! По кислотине, разлившейся от скривившихся губ по всему лицу, стало очевидно, что вряд ли сейчас я услышу что-то приятное. Наконец он заговорил, роняя каждое слово словно свинцовый шарик в песок.

– Вот, что я скажу тебе, Марк. Ты молод и этим многое объясняется. Ты пишешь, думая, что умеешь это делать. Или, думая, что вот-вот научишься. Но нет, – он покачал головой и цыкнул сквозь зубы. – Я не думаю, что из тебя что-то выйдет. Это, – он показал на мой рассказ, – мусор. Дерьмо. Такое способен написать любой олигофрен, осиливший алфавит и электронную почту. Ты знаешь, сколько подобного дерьма я получаю каждый день? В самых разных видах? Такими сочинениями я топлю камин. Я велю их разбрасывать под пальмами на алее в качестве навоза. Если бы мой датский дог, Марк, умел срать буквами, у него бы получилось примерно то же. Только на датском языке. Ты понял, что я хочу сказать? Ты полная и безоговорочная бездарность, Марк Новак!

Он взял паузу, пристально глядя на мое пылающее лицо.

– Что скажешь?

Что я мог сказать? Я с трудом разжал зубы и произнес:

– Мне жаль, что вам не понравилось.

– Однако ты не уходишь, – прищурился, заметил мой собеседник. – Ты не послал меня на хер. Не швырнул в лицо своей писаниной. Не развернулся и не ушел, хлопнув дверью. Потому что чувствуешь, что разговор не окончен, верно? И ты прав, Марк! Ты получишь свой шанс. У меня есть к тебе предложение, на которое ты должен ответить мне прямо сейчас. Я тебя заинтересовал?

Он не ошибся. Я действительно был уверен, что все это лишь начало беседы. И мне было интересно, куда она повернет.

– Говорите, я слушаю.

Он расхохотался – смехом человека из высших слоев общества, которого смог удивить крестьянин. Снова откинувшись на спинку кресла, он посерьезнел и сделал свое предложение, в котором, по его словам, скрывался мой единственный шанс:

– Отсоси мне.

– Что? – этого я все-таки не ожидал.

– Отсоси мне, – повторил он. – А потом моему водителю и всей моей охране. Потом я попрошу тебя трахнуть болонку моей жены, я ее ненавижу, а под конец – дай трахнуть себя моему догу. Его я обожаю. И тогда – добро пожаловать на борт!

Возникла пауза, в течение которой я не мог понять, куда деть тот воздух, который я уже вдохнул. Но первым не выдержал напряжения все-таки не я. Но и не мой собеседник. Чей-то третий, истерический, визгливый до противности смех раздался вдруг из-под стола.

– Ой, я больше не могу!.. – сквозь смех прозвучал умоляющий мужской голос. Из-под стола, чуть сбоку кресла, ладонью кверху появилась чья-то рука. Сделавший мне «непристойное предложение» киношный авторитет шлепнул по ней своей – «дал пять», и тоже расхохотался. Прятавшийся под столом хохотун поднялся было в полный рост, довольно внушительный, но тут же снова скорчился от смеха и, опершись руками о стол, продолжил хохотать в этой скрюченной позе. В его левой руке колыхался пустой стакан с подтаявшими остатками льда, а глаза осоловели блестя. По всей вероятности, свое невероятное чувство юмора долговязый придурок подогрел порцией спиртного. Да и перед обладателем дога и жены с болонкой также стоял пустой бокал из-под виски.

– От... со... си... мне... – бился в истерике вылезший из-под стола недоумок, как будто смешнее в жизни ничего не слышал.

– Про болонку... кстати... правда! Не...на... ви... жу... – так же заливался хохотом и оскорбивший меня киногуру, как будто ничего смешнее в жизни не произносил вслух.

Я же просто стоял перед ними и исподлобья смотрел на весь этот цирк. Возможно, сжимая кулаки и играя желваками – не думаю, что я полностью себя контролировал. Но, наконец, это глупое веселье стало утихать.

– Прости, брат, – сказал вылезший из-под стола верзила, вытирая слезы. – Разыграли.

– Марк, ничего личного. Просто было скучно, мы уже час тут торчим. Извини! – добавил тот, что сидел в кресле.

Я тоже успел успокоиться, поэтому знал, что отвечу.

– Не надо извиняться, – сказал я. – Тем более что розыгрыш не совсем удался.

Парочка, по инерции дохихикивая над своей шуткой, синхронно приподняла брови, не понимая, что я имею в виду.

– Вас я узнал сразу, – сказал я тому, кто встретил меня в кабинете. – Вы Роберто Корсава. Я знаю все ваши работы. Вы дружите с Феликсом Бруно с детства. Вместе делали «Неприянь», «Хроники пустыни» и много еще чего. Конечно, я не купился, что вы это он.

– Серьезно? – Роберто Корсава был искренне удивлен и немного разочарован. – Жаль. Феликс сказал, что вы никогда не встречались. Грех было не попробовать.

– Но куда вы заведете разговор, мне было очень интересно, – сказал я, чтобы не портить «шутнику» настроения совсем.

– Вау! Какой красавец, ты слышишь? – взмахнул руками второй, произнося слова не очень приятным, снисходительным тоном. – Говорит, раскусил тебя с самого начала!

– Вас я тоже знаю, – ответил я и ему. – Вы Артур Мартин.

– Так и есть, сынок! – горделиво сказал он, и было видно, что ему польстило мое «узнавание». – Точно так же, мы вместе с Феликсом, долгие годы...

– Да, но с другим успехом. Сотрудничество с вами – худший период в его карьере. Два провальных сериала. А о кино вообще можно не говорить – сплошные обвинения в плагиате.

– Эй! Полегче! – Артур не ожидал, что я перейду в наступление.

– И не могу сказать, что про плагиат – неправда. «Крылья Августы» – сплошное заимствование у Бертона. А «Джессика в тени» – совершенно очевидно слезанный Бессон.

– Слушай ты... – Артур пошел в мою сторону, делая вид, что начинает угрожать мне физически. Что, конечно, было неправдой. Такого типа «воры» берут нахрапом – громкостью и наглостью. Но, если выдержать их первоначальный напор, они обязательно подожмут хвост и сиганут обратно под лавку. Туда, где им самое место. Я слишком недавно покинул улицу, чтобы не помнить ее основных правил.

– Ладно, ладно, постой, Артур! Успокойся, – перехватил двинувшегося в мою сторону Артура Корсава. – Парень обиделся. Вот и говорит лишнее. Имеет право. Тем более что насчет «Крыльев» он прав.

– Что?! – вскинулся Артур уже на него.

– Да шучу я, шучу, – расхохотался Роберто, погасив агрессию. – Пойдем лучше к бару!

– Фишку с пуговицами, пришитыми вместо глаз, я придумал за несколько лет до Бертонна! – убеждал Артур, в то время пока Роберто вел его за плечо в сторону спиртного. – Меня не приняли тогда на «Мирамакс», и я отложил идею. Я же тебе рассказывал! А потом...

– Да верю я, верю, пойдем еще выпьем...

Роберто Корсава, улыбаясь, повернулся ко мне и весьма дружелюбно, и даже уважительно, осведомился:

– Молодой человек? Марк Новак. Что предпочитаете?

Глава 2. Знакомство

Оказалось, встречу сегодня вечером Феликс Бруно назначил не мне одному. Разливая по бокалам спиртное, Роберто Корсава посвятил меня в то, что было известно ему самому. Если коротко, у Феликса возникла мысль объединить в одну картину три новеллы: Корсава, Артура Мартина и мою. Скажу честно, для меня это было не менее лестным, чем если бы Бруно заинтересовался мной единственным. Корсава был мэтром, признанной мега-величиной в мире сценарной драматургии. С Феликсом они дружили со времен, когда Шварценеггер впервые увидел гантели, а Шер еще задумывалась, стоит ли ей делать девятую пластику. Если я правильно помню, Роберто также был свидетелем на свадьбе Феликса. Вместе они двигали такими горами, у подножия которых я не смог бы себя представить даже в самых оторванных фантазиях. В общем, присутствие в фильме Корсава было настолько крутым моментом, что я, без претензий, простил бы ему и гораздо более грубую шутку. К тому же кто знает: возможно, со стороны это и в самом деле было забавно?

Другое дело Артур Мартин. Позволить смеяться над собой ему? Мне было бы легче заставить себя воспользоваться гигиенической помадой после бомжа. В его случае не пахло даже самыми убогими способностями к сочинительству. Как по мне, все, что у него получалось, это маскировать бездарность эпигонством – перерабатывать заимствования из работ действительно талантливых писателей и сценаристов. Но Феликс Бруно, тем не менее, держал Артура при себе, иногда даже пробуя снять что-то по его тошнотворно вторичной писанине. Секрет такой привязанности был прост: Артур Мартин являлся братом его супруги, Эмилии. Которую Феликс, это было известно всем, обожал больше жизни. Многие годы Эмилия была ему музой и путеводной звездой, и отказывал он ей в чем-либо крайне редко.

Меня Артур раздражал и ничего, кроме презрения, вызывать не мог. Однако и с его соседством я готов был смириться. Во-первых, кто такой я сам, чтобы выбирать себе соавторов в такой картине? А, во-вторых, если фильмом занимается Феликс, то сценарий, наверняка, будет контролировать сам Корсава. Испортить подобное сочетание не под силу даже Артуру Мартину. Режиссерский и актерский составы у Бруно тоже обычно состояли из звезд первой величины. Интересно, с кем из них он уже вел переговоры?

– Не поверишь, не в курсе! – ответил на этот вопрос Роберто, создавая в своем хрустальном стакане с виски небольшой айсберг из кубиков льда. – В принципе, я сейчас тебе выложил все, что знаю. Наверное, сегодня он нам сам всё расскажет.

Феликс, которого имел в виду Корсава, завис на важном собрании –его возвращение ожидалось с минуты на минуту.

– Если хочется, можешь даже попробовать его разглядеть – кивнул Роберто Корсава куда-то в окно, на залив. – Он на «Медузе».

Про «Медузу» я тоже читал. Это была огромная яхта–катамаран, которой Бруно необычайно гордился. Она действительно была видна из панорамного окна, вид из которого охватывал и небольшую частную бухту, так же принадлежавшую Бруно. Стоявшая посередине нее, с высоты «Облака», «Медуза» не казалась такой уж большой, но, насколько я помнил, среди самых дорогих яхт–катамаранов в мире она занимала то ли семнадцатое, то ли восемнадцатое место. Возле «Медузы» покачивался на волнах совсем уже крошечный на таком расстоянии, тоже белого цвета, катерок.

– Важные шишки понаехали, – прокомментировал вид из окна Корсава. – Решают там: кому жить, кому умереть.

Бруно, по моим сведениям, любил окружать себя такими вещами, как «Медуза» и «Облако». Которому, надо сказать, необычайно подходило это название. Нависающее над океанским заливом белое, воздушное здание виллы, казалось, по случайности зацепилось за живо-

писный скалистый утес, на котором было построено, и ждет лишь подходящего по силе порыва ветра, чтобы освободиться и продолжить плыть по небу дальше – в сторону открытого, полного свободы моря. Гений киноиндустрии сбегал сюда от всего остального мира, обустроив тут свое личное пространство, по своим строгим правилам. Которым были вынуждены подчиняться все. Например, ни на «Облаке», ни в его окрестностях не было мобильной связи. Бруно, оберегавший творческое одиночество всеми доступными средствами, скупил все пригодные для строительства телефонных вышек площадки в округе. Для внутренней связи в бунгало и на «Медузе» использовали рацию. Ею и воспользовался Карсава, чтобы сообщить «хозяину» о моем приезде.

– Феликс, прием! Мы все в сборе. И Марк Новак тут. Что там у тебя?

Рация подумала несколько секунд и выдала ответ незнакомым мне голосом Бруно:

– Я понял! Но я еще занят, Роберто. Надо подождать. Познакомьтесь пока друг с другом.

А заодно и с баром, хорошо?

– Хорошо, – ответил Роберто, пригубив из бокала.

– Хотя уверен, в твоей руке и так уже стакан с виски. Не так ли?

– Так, так. И не первый! – посмеялся Корсава проницательности друга.

– Не скушайте. Отбой!

Со стаканом в руке Роберто Корсава плюхнулся обратно в кресло Феликса и положил ноги на его рабочий стол. Позволить себе подобное в этом кабинете мог только он, и то – на правах самого близкого друга. Артур с сигаретой улегся на бежевую софу, потягивая коньяк. Я же с налитым мне бокалом скромно примостился у края стеклянного стола для конференций, боком к панорамному окну.

Солнце уже почти нырнуло в океан. Корсава поднял со стола пульт управления и прибавил в кабинете освещения. Затем снова взял в руки папку со сценарием. Моим.

– Так, значит, говоришь, Марк и Нелли? Ну-ну... Давно пишешь? Я о тебе не слышал.

– Я криминальный репортер, – сказал я непонятно зачем.

– Пф! – презрительно фыркнул Артур Мартин из своего угла.

Я сделал вид, что не обратил внимания.

– А вам действительно не понравилось? – спросил я Корсаву немного излишне хриплым голосом.

– Не понравилось что? – не сразу понял он. – А! Да нет, я еще не читал. Наверное, если Феликс это одобрил, значит, там что-то есть.

Он сделал паузу величиной с глоток шотландского.

– Хотя...

И замолчал.

– Что «хотя»? – это слово меня насторожило.

– Честно говоря, ребятки, есть ощущение, что Феликс теряет хватку, – Роберто говорил легко, но серьезно. Без удовольствия, констатируя неприятные факты. – Стареем, что делать. Все его последние работы провалились. Прицел, похоже, сбился. Вот так.

– Про последние работы я не согласен! – подал с софы голос привставший на локте Артур. – Это очень спорно!

– Ты снова про свою «Джессику»? Что тут спорного? Спиздил у Люка полсюжета, а вторую половину написал так, что это тебе надо предлагать отсосать у всех заплативших за билет зрителей и их домашних питомцев.

Я хохотнул, хотя не собирался. Артур это заметил и метнул в меня взгляд большого бешенством хорька. Он грузно вскочил с софы.

– Роберто! Как ты можешь! Было же разбирательство, где я все доказал! Это мой оригинальный сюжет! Все пересечения случайны и не выходят за рамки... художественных... м-м-м...

– Отсылка, – помог ему Роберто.

– Да! Отсылка!

– Ок. Можешь потыкать этим разбирательством себе в одно место. На провальные сборы это уже не повлияет.

Мне определенно нравилось, как Корсава обращается с Артуром Мартином.

– Своей «Джессикой» ты Феликсу еще и кучу отношений изгадил, – безжалостно отрывал мухе крылышки Роберто. – «Парамаунт» и «Дримворкс» расплевались с ним навсегда. А теперь представь, как счастливы те, кто давал на эту херню бабки!

– Ты преувеличиваешь, Роберто! – Артур не хотел сдаваться.

– Если преувеличиваю, значит, вслед за Феликсом, теряю нюх. Но пока, дружок, насчет собственного нюха у меня такого ощущения нет. И вообще, если говорить лично обо мне... Если бы не наша дружба, то после такого косяка я бы Феликсу отказал. Да и на этот проект еще не факт, что соглашусь, – он кивнул на папки на столе. – Вот так, коллеги.

Я молча слушал мэтра, с тревогой переваривая появившееся отвратительное чувство тревоги за исход всей встречи. Артур сходил еще раз к бару, затушил там сигарету, снова наполнил бокал. Отхлебнул. В его взгляде, возбужденном обвинениями Роберто, металось нечто вроде размышления: решиться на что-то или нет? Артур все же решился:

– Ок. Я кое-что знаю, что вам будет интересно услышать.

Корсава хмыкнул, я никак не отреагировал. Артур продолжил:

– Феликсу должны дать 700 миллионов! – отчеканил он каждое слово.

Повисла тишина, в которой взгляд Артура Мартина метался от меня к Корсаве и обратно.

– 700 миллионов! – с нажимом повторил он. – Это явно на нашу картину! Другой у него нет. Я спрашивал у Эмили, она про такие вещи не врет.

– Угу... Я тоже слышал... – задумчиво промычал Роберто. – Но ты сказал «должны дать», а не «дали»? Верно?

– Прямо сейчас, – загадочно заявил Артур. И пояснил: – Ему их дают прямо сейчас. Вот, что решают сейчас на «Медузе»!

– Прекрасно, прекрасно, – протянул Корсава. – Но откуда уверенность, что решение будет положительным? Если пока даже я не видел, что вы там понаписали, и не высказал по этому поводу своего мнения? Там что, прям так все... безупречно?

Я пожал плечами, а Артур не удержался.

– Не знаю, как у газетного сосунка... Извини, парень... А у меня шедевр! Нет, реально! Идея – блеск! Я...

– Подожди, – остановил его Роберто и повернулся ко мне. – Так ты говоришь «Моя любимая Нелли», Марк?

– Да, – произнес я.

– И что в ней такого, что она претендует на один фильм со мной?

– Действительно! – добавил Артур, сдвинув брови. – И со мной!

– Не знаю, – ответил я честно.

И сделал довольно наглое предложение:

– Прочитайте и скажите сами.

– Хм! – Роберто держал мой сценарий на весу на ладони. – А почему бы и нет? Феликс же велел нам познакомиться? Давайте, читаем.

– Ну, ну... Посмотрим на что ты способен, юный падаван, – ехидно и уже заметно пьяно и тут встрял Артур. – Давай, Роберто! Заряжай и пли-и-и-и-и!

Глава 3. Рассказ первый

МАРК НОВАК, «МОЯ ЛЮБИМАЯ НЕЛЛИ»

– Ты охренел, Алекс?! – голос Нелли проткнул мое ухо вязальной спицей. – Это что за дерьмо?! Это вообще что? Это месть что ли? Такая вот твоя унылая, серенькая, беспомощная месть?

Нелли никогда не любила меня. И я это знал. Но обманывать себя было проще, чем жить несчастным и одиноким. И я жил несчастным вместе с ней.

– Нелли, не кричи на меня, пожалуйста. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но это временно.

– Да иди ты нахрен! «Временно»! Что за фокусы?! Мы же обо всем поговорили!

Когда Нелли общалась со мной, она не выбирала выражений. Я уже давно не обращал на это внимания.

– Это всего на пару дней. Пока тебе готовят квартиру. Там сейчас нет мебели, и стены еще красят.

– Сними тогда гостиницу. Тут я жить не буду!

Я сделал вид, что осмотрелся вокруг. Возмущение Нелли было ожидаемым. И это была самая слабая часть плана. Хорошо, что я заранее продумал, как подстраховаться.

– Нелли, прости, но гостиницы забиты. Сезон, ты же знаешь сама. Тебе тут всего-то пару раз переночевать. А спальня приличная. Честное слово!

Нелли презрительно покосилась на меня своим бесконечно красивым в злости взглядом. Я подбежал к дверям спальни и распахнул их, чтобы моя привередливая собеседница смогла сама все увидеть. И забросил крючок.

– А я... Раз это моя вина... Я обещаю, что и со следующей книги пол гонорара тоже достанутся тебе.

Нелли вскинула брови в попытке скрыть, как сильно мое предложение ее заинтересовало. Шагнула в спальню и обвела ее взглядом. Потрогала рукой стеганое покрывало, укравшее большую двуспальную кровать. Справилась с волнением, вызванным своей патологической тягой к наживе, и уточнила:

– Правда? Не шутишь?

– Ну... Почему нет? Я же ее начал, когда мы еще были вместе?

– Справедливо! – легко согласилась со мной Нелли и бросила сумочку на кресло, стоящее у аккуратно заправленной постели.

«Пометила территорию...» – подумал я про себя. А вслух сказал:

– Я занесу твои вещи. Располагайся. В холодильнике полно всего. А завтра подпишем бумаги – как ты хотела.

Нелли холодно усмехнулась и пошла смотреть уборную. Я поспешил за ее вещами, мне пора было убираться отсюда. И желательно, как можно быстрее.

План, основанный на алчности моей бывшей жены, изменявшей мне все годы супружества, с первых дней нашего медового месяца до сегодняшнего момента, ограбившей меня до последних лоскутов, и, наверное, навсегда лишившей меня способности писать то, что могло бы понравиться лично мне самому, сработал.

Не пройдет и пары дней, как она получит то, чего всегда заслуживала.

Моя любимая Нелли.

Жилище, в которое так не хотела даже на время переезжать моя дорогая супруга Нелли, было моим тайным убежищем. Моим музеем, в котором я хранил свою уникальную, навер-

няка, единственную в мире, Коллекцию. Каждая вещь, которая в ней находилась, попала сюда не случайно.

Для передачи Нелли прав на мои произведения и кое-какую недвижимость нам нужно было встретиться с моим юристом, а это, в силу обстоятельств, было возможно только тут. В этом приморском городишке, служившем мне «писательским кабинетом». Такова была легенда для Нелли. Только жадность могла заставить ее покинуть столицу штата и приехать сюда, в это место, которое она так ненавидела. Ибо тут не было ни сервисного шика, ни столичного блеска, а лишь запах рыбы, солнца, туристов и рыбаков.

Я же тут бывал часто, и не только потому, что работал.

В городке мне принадлежало два жилища: квартира, которую (вместе со всем прочим) собралась оттяпать Нелли, да небольшой домишко на отшибе, вдалеке и от туристических маршрутов, и от внимания местных жителей. Он бы неплохо подходил мне для писательской работы, если бы не моя Коллекция, делающая смертельно опасным любое, даже самое недолгое, в нем пребывание.

Писал же я в кафешках и ресторанах, благо давно научился не обращать внимания на посторонний шум, умел сосредотачиваться на работе даже под грохот городских строек и бесконечное бляение автомобильных гудков из постоянной пробки на приморском проспекте. Квартира же была куплена по настоянию Нелли – для Нелли. Насколько я помню, я не более пары раз заходил в нее дальше прихожей и гостиной, на диване которой иногда ночевал. Эта квартира была для меня чужой: холодная и неприветливая, нелюбящая. Очень похожая на ту, для кого я ее приобрел.

Но Дом – другое дело. Он был мной самим. Наверное, так. Те же демоны, что скрывались в моей темной душе, обитали и в его полусырых стенах. Я сам населил его ими. Без требования ежемесячной квартплаты, но, все же, с одним арендным условием. Один раз они должны будут мне кое в чем помочь.

Расквитаться с Нелли.

С моей неверной супругой, выпившей мою любовь до дна, и не испытывавшей по этому поводу ни досады, ни благодарности.

Я знаю, на что способна моя Коллекция. А скоро с этим познакомится и моя драгоценная Нелли.

Коллекцию я начал собирать случайно. Собственно, первым экспонатом в ней был сам дом. Агентству по недвижимости довольно долго не удавалось никому его сбагрить, и маклер разве что не целовал мне руки, когда я, сбив цену еще на довольно внушительную сумму, согласился-таки на покупку.

Люди, знаете ли, с неохотой переезжают в дома, в которых кто-то умер. Тем более такой страшной смертью.

Экспонатом номер два стала большая бронзовая люстра с тяжелыми, стилизованными под свечи в канделябрах, лампами. Именно с люстры я и понял, что у меня может получиться Коллекция. Следующими «жильцами» дома стали большой желтый ковер в гостиной и раздвижной, не новый, весь в царапинах, обеденный стол. Следом добавились газовая плита и электрический фен. А также ванна, которую я лично перевез на своем «пассате», считайте, что с другого конца страны.

Тогда мне это казалось просто забавным. Собирать вещи–убийцы. Делать так, чтобы все они оказались в одном месте. Люстра, сорвавшаяся с плохо закрепленного крюка и размозжившая голову ни в чем неповинной старухе. Ковер отвратительного качества, жесткий, бугристый, завернувшийся с одного края как раз так, чтобы запнувшийся об него домашней тапкой хозяин, налетел виском прямехонько на угол обеденного стола. Этот стол. Газовая плита, давшая смертельную утечку и погубившая ей целую семью, с тремя маленькими детьми. Фен, убивший током глупенькую студентку. Ванна, поскользнувшись в которой, скончался одино-

кий старик, которому некому было помочь добраться до телефона и сообщить в «скорую» о сломанной шейке бедра...

Все эти вещи я «приговорил». К пожизненному заключению в своем собственном доме.

Дом, как вы поняли, тоже отличился, и, по-моему, большое прочих моих экспонатов. В нем умерла молодая супружеская пара, только-только переехавшая сюда для долгой и счастливой жизни у моря. Она, маленькая и хрупкая барышня, пожелала осмотреть подпол нового жилища. Он, стокилограммовый бабуин, курортный тренер по паверлифтингу, стоял рядом, на карачках, придерживая тяжелую квадратную крышку люка и подсвечивая супруге подвальную темноту электрическим фонариком. Низкое положение головы вызвало у него неожиданный разрыв мозговой аневризмы, заставив потерять сознание. Упал амбал до смешного неудачно. Прямо на захлопнувшийся перед носом у своей миниатюрной жены люк.

Их тела нашли через четыре с чем-то месяца. Все припасы, которые могли бы помочь выжить женщине в подвале, стояли не распакованные наверху – рядом с мертвым телом ее мужа.

Неудивительно, что дом с такой историей долго искал себе нового хозяина.

Сначала я и вправду думал, что создаю нечто вроде тюрьмы для преступников. Темницу для изгоев сразу двух миров: людей и созданных людьми предметов. Но потом я понял, что отношусь к ним по-другому. Их темные души, заключенные в пластик, металл и дерево, так же нуждались в понимании и сочувствии, как, например, и моя, обернутая в мышцы, жир и эпидермис душа. Наверное, это было чем-то похоже на молчаливую групповую терапию, где собирались те, кто мог без слов понять друг друга. Потому что тяжесть груза, легшего на их грешное кровавое прошлое, была примерно одинакова.

Как я находил свои прекрасные экспонаты? Мне это было нетрудно. Работа над криминальными романами в течение двух десятков лет принесла много знакомств в ведомствах, имеющих отношение к расследованию преступлений. Знакомые криминалисты, следователи, прокуроры сообщали мне обо всех мало-мальски интересных происшествиях, которые гипотетически можно было бы использовать для книги. В том числе, по моей отдельной просьбе, и о смертях такого рода: «вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств».

Интересуясь деталями, я скрупулезно выяснял, как именно погибали жертвы. Дальше было просто: я приходил к тем, кому переходило владение нужным мне имуществом, и заключал сделку. Покупал то, что меня интересовало, и перевозил к себе в дом. Естественно, не все подряд. Тостеры, найденные в ваннах самоубийц, например, мне были совершенно неинтересны. По моему неписаному закону вещь должна была убить человека самостоятельно. Без учета его воли и желания.

Коллекция росла довольно быстро, почти каждый месяц я добавлял в нее что-то новенькое. Но тогда я еще не представлял себе ее силы. Не знал о ее ужасных и беспощадных способностях.

Это выяснилось случайно.

Так вышло, что мне пришлось дать крышу над головой человеку, которого я давно, на протяжении несколько лет, и искренне ненавидел. Он сам окликнул меня в кафе на набережной, в котором я сидел под вечер, работая над очередной главой своей следующей книги.

– Алекс! Ты? Ха!!!

Он кинулся ко мне с объятиями, а я, еще погруженный в мысли о героях и происходящих с ними событиях, даже не сообразил кто это.

– Да! Привет!

Я ответил на объятия, одновременно «приходя в сознание». И тут, наконец, понял, кого обнимаю. Но было поздно.

Он был выпивший, потный, громкий и словоохотливый.

– Рад тебя видеть, старина! Что ты тут делаешь? Два коньяка нам! – последнее прозвучало для официанта.

– Работаю, – ответил я просто, чувствуя, как медленно подступает к рассудку забытое холодное бешенство.

Я не виделся с ним больше шести лет. Тогда мы работали вместе над книгой, поняли, что не получается, и разошлись. Спустя год он выпустил ее под своим именем, нигде ни словом не упомянув о втором авторе. На телефонные звонки он не отвечал, на почту тоже. Затеять скандал мне не хотелось. Это было бы как-то нелепо и, наверное, жалко. Тем более что книга все равно действительно не получалась, и бросить ее было моим личным решением. Комфортнее было просто обо всем забыть. На это он и рассчитывал. И оказался прав – я это «отпустил».

И если бы не Нелли...

– А я решил – к морю! Тут есть местечко с девками, которые... Эй, где коньяк!

Нелли спала с ним. И в то время, когда мы вместе работали, и позже. Они смеялись над тем, как я переживаю за книгу, обсуждали меня, забавлялись моими сомнениями. Нелли сама мне рассказала об этом. Когда обвиняла меня в том, что я позволил себя в очередной раз облапошить – на этот раз с украденной книгой.

Она любила рассказывать мне такое, наслаждаясь моими мучениями. Которые и в самом деле были ужасны. Никто не знает, через что мне пришлось пройти за эти годы. Кроме самой Нелли, конечно.

Он болтал без умолку:

– Скучаю по тем временам, Алекс... Мы же столько вместе пережили, старичок! А что? Ты над чем сейчас работаешь? Если не идет, можем вместе докрутить. А? У нас же получалось... Еще два коньяка!

Я не помню всего. Он пил и пьянел. Я ненавидел его все больше, но как поступить, не знал. В итоге он надрался так, что не смог встать из-за стола. Я вызвал ему такси, и он, наконец, уехал.

Я расплатился за все, что было выпито, и пошел домой. Но буквально через квартал снова встретил его. Он стоял и ссал у дерева, такси рядом не было. Вероятно, водитель его высадил, не захотев связываться с настолько пьяным клиентом.

Мне пришлось отвести его к себе. В квартиру я его взять не мог: с утра туда впервые приезжала Нелли. Тогда еще я был полон надежд, что сумею заслужить ее любовь, и эта, только что купленная квартира, была очередным доказательством моих чувств.

Рассуждения, о том, как жалок я был в этих заблуждениях, давайте, оставим на потом.

В общем, вора, пьяницу и любовника собственной супруги я привел проспать в дом с Коллекцией.

Я уложил его на кровать, поперек. Оставил у телефонного аппарата записку со своим номером, чтобы он позвонил мне, когда проспится и хоть чуть протрезвеет. Хотел даже снять с него обувь, но опомнился. Медленно отошел от кровати.

Я стоял в дверях спальни, смотрел на него и ненавидел. Я вспоминал все, что пережил из-за него.

Будем откровенны. Я желал ему смерти. Я даже подумал: а что, если прямо сейчас его убить? Из кафе он уехал на такси. Позже меня с ним никто не видел. Сделаю это быстро и вернусь в квартиру Нелли. Ждать ее, в надежде, что между нами неожиданно произойдет что-то, чего не случилось за восемь лет супружества. А он... Он в это время будет гнить среди корней приморских сосен, куда я закопаю его, завернув в толстое стеганое одеяло, снятое с двуспальной кровати. Под которым когда-то задохнулся младенец, кстати...

От дома до квартиры я добрался минут за сорок. Лег в гостиной на диван и долго не мог заснуть. Курил, глядя в потолок, тихо удивляясь полному отсутствию мыслей – после настолько насыщенного эмоциями дня.

Вдруг зазвонил телефон. Я поднял трубку. И услышал его голос:

– Алекс... Алекс... – он хрипел в трубку только мое имя и больше ничего.

– Что? Что случилось? – спросил я, но в ответ ничего не услышал.

Лишь все то же: свое собственное имя.

– Алекс... А... ле... ксс...

Голос затих, а я, мигом собравшись, выскочил на улицу. Коньяк из меня почти что выветрился, поэтому я сел за руль.

Через пять минут я был у своего дома.

Он лежал на пороге спальни, куда у него получилось доползти, чтобы воспользоваться телефоном. Кровавый след тянулся за ним от мебельной стенки с баром в большой гостиной комнате. Видимо, несчастный пьяница пытался силой открыть его запертые створки, чтобы найти еще спиртного. Но все, что ему удалось, это стряхнуть с верхней полки себе на голову большущие мраморные часы – весом в добрых полтора десятков кило. По иронии судьбы, часы были декорированы безвкусовой композицией из двух веселящихся херувимов, обнимающих стилизованный под винный бочонок циферблат.

«Время течет, как вино», – подумал я зачем-то. – «И для тебя оно истекло».

Выпачканные в крови часы лежали тут же, на боку, улыбаясь толстощековыми ангельскими физиономиями прямо в мои глаза.

Я стоял над бездыханным телом и не верил тому, что вижу. Сердце билось, как сумасшедшее, и кровь бешено пульсировала в висках. Но мне не было плохо. Даже наоборот. Страх отступал, и то, что я чувствовал, все больше становилось похожим на восторг.

Тиканье часов было единственным звуком, раздававшимся в этой застывшей напряженной тишине. Вдруг я ясно почувствовал, что нахожусь тут не один. Резко обернувшись, я огляделся по сторонам. И сразу понял, кто тут есть еще. Отовсюду на меня смотрели предметы, собранные мной в Доме. Стул, чья подломившаяся ножка забрала жизнь мужчины, приземлившегося затылком на острый шип кованой каминной решетки. Пепельница, из которой выкатился окурочок, уморивший ядовитым дымом сторевшего синтетического пледа своего пьяненького хозяина. Часы, лежащие сейчас на боку в луже крови. Точно так же, как до этого они лежали в другом доме, убив своими острыми мраморными углами другого человека.

На меня смотрели убийцы. Со всех сторон. Но чувствовал я не угрозу, а совсем напротив. Мы с ними понимали друг друга.

Дом сделал это для меня.

Я уверен.

Труп я завернул в одеяло и вывез из дома. Закопал в лесу. Часы отмыл и осторожно поставил на место. Провел остальную необходимую уборку, уничтожив все следы пребывания в доме еще кого-либо кроме себя. И поехал встречать Нелли.

С тех пор прошло два года. Коллекция приняла в себя еще полтора десятка экспонатов. Нелли ушла от меня, при этом раздев при разводе до нитки. Наша встреча по поводу этой квартиры и дома – последняя. Так она сказала.

Я не возражаю. Совершенно.

Моя любимая Нелли...

У меня звонит телефон. В трубке звучит ее голос.

– Алекс... Алекс...

КОНЕЦ

Глава 4. Обсуждение первое

Роберто Корсава швырнул папку с моим именем на обложке на стол. Артур наливал очередную порцию коньяка. Я сидел, сцепив руки перед собой, в нервном ожидании, что по поводу прочитанного скажет его величество «Король сюжета». Так иногда величали в прессе Корсаву, не в силах придумать более изящного эпитета.

«Король» же предпочел сначала дать высказаться шуту гороховому.

– Ну, что думаешь, Артур? Тебе понравилось? – нарочито громко задал ему вопрос Роберто.

– Ха! Ты шутишь? Какой-то детский лепет... – сигарета в губах и выпитый алкоголь мешали словам Артура звучать четко, но пока все было понятно и так. – Феликс и вправду слетел с катушек! Так он дойдет до того, что начнет экранизировать раскраски!

Я промолчал, хоть мне и было сильно обидно. Но мне хотелось услышать мнение не только бездарного плагиатора, но и мастера тоже.

– А что скажете вы? – спросил я Корсаву.

– Что скажу я... Что скажу я... – Роберто медленно крутился на кресле Феликса из стороны в сторону и не спешил с ответом. – Я скажу, что история действительно сыровата.

– Да ее хоть выжимай! – злорадно добавил Артур, садясь напротив меня за конференц-стол. – Там же...

– Если вы не против, – жестко перебил его я. – Мне бы хотелось до конца выслушать, что думает господин Корсава.

– Слушай, слушай, – «великодушно» устранился Артур. – Давай, мочи его, Роберто!

Роберто начал «мочить».

– Во-первых, я не люблю мистику. Очень. По моему мнению, к ней прибегают, когда не могут придумать ничего убедительного, что могло бы существовать в реальности. Для меня это определенного рода беспомощность. Извини. Во-вторых, внутренние монологи от первого лица? Ты серьезно? Б–р–р–р–х!..

Артур рассмеялся в знак того, что полностью разделяет это мнение.

– Так, с таким пафосом, пишут все новички. Ну, еще Вуди Аллен... Им кажется, что читателям интересно, что именно переживает их герой в деталях и нюансах. А чаще всего, мой друг, читателю насрать на любые твои объяснения, почему герой действует так, а не иначе. Если то, что он делает вообще надо объяснять, это признак того, что от сценария несет любительством. Ну, и, в-третьих, концовка немного скомкана. Мне так показалось.

Роберто встал из-за стола и пошел к бару. Я сидел, опустив взгляд в стол. Мне было больно, стыдно и больше всего хотелось провалиться сквозь землю.

– А ты заметил, кто главный герой, да? – все-таки встрял Артур. – Успешный писа–а–атель! Это же ты себя таким видишь, да? – этот вопрос он задал мне. – Состоявшимся, с деньгами, известностью, с красивой женой? Всего-то пару раз поговорил с Феликсом и уже возомнил о себе! Поэтому и от первого лица написано. Роберто, слышишь! – повторил свою «гениальную» догадку Артур. – Поэтому от первого лица и написал, что нафантазировал, что это про него самого!

Мартин рассмеялся собственной шутке. К чести Роберто, он этого веселья не разделил. Наливая себе новую порцию виски, Корсава сказал другое.

– Вот, что я тебе скажу, Марк. Как коллега. Да и ты, Артур, послушай. Мне кажется, я все-таки понимаю, что тут нашел Феликс. Там есть нерв. В самой истории. Надо будет поработать, но шансы хорошие. Я помогу. А то, что я не люблю мистику, честно говоря, на самом-то деле, проблемы сугубо мои. Мы ведь пишем не для себя, а для зрителя и, в итоге, для кассы.

Роберто подмигнул мне и уселся с бокалом на софу. Артур, немного озадаченный, выпучил в его сторону глаза.

– И самое главное, Марк. Твой рассказ в любом случае на голову лучше, чем все, что когда-либо было написано безмозглым, уродливым, бездарным пиздюком-инвалидом по имени Артур Мартин...

– Роберто! – возмущенный Артур вскочил, а Корсава захохотал и стал бросать в объект своих жестоких насмешек кубики льда из собственного стакана.

Я улыбался во все тридцать два, очень искренне, несмотря на то что за шутку, произнесенное Корсавой, не считал. Да и по поводу своего рассказа – мог ли я на самом деле рассчитывать на что-то лучшее? Я и сам подозревал, что он не ахти – так, честно говоря, сказал еще Бруно. Но он же мне и пообещал, что в любом случае примет написанное в оборот – в ответ на кое-какую услугу. Собственно, именно для того я сюда сегодня и явился. Я сделал то, что просил Феликс, и теперь был его черед выполнить свою часть сделки. И мне абсолютно все равно, что думает Артур Мартин о том, насколько мой рассказ хорош!

– Ну и сука же ты! – вырвалось тем временем из Артура в адрес Роберто.

С лица Корсавы слетела улыбка, уступив место чему-то вроде легкого звериного оскала. Глаза стали злыми.

– «Сука» ты сказал?

Он кинул еще кубик льда в Артура. Потянулся за ведерком, взял из него и кинул еще, и еще, стараясь бросать с каждым разом сильнее, горстями. До Артура дошло, что он «пересек линию».

– Ну, хватит! Хватит, извини! Роберто, твои шутки выведут из себя кого угодно... Перестань...

Я уже говорил про шавок, которые тут же заползают под лавку, как только ты укажешь им свое место? Это был как раз такой случай.

– Роберто! – крикнул Артур, увернувшись от очередного ледяного «снаряда» (они, кстати, у Корсавы заканчивались). – Я считаю, так несправедливо! Ты говоришь, не прочитав, что я в этот раз принес. А там... – Артур придал своей физиономии многозначительность. – Ты бы сначала ознакомился?

– Господи, что там может быть? – сказал Корсава, перевернув ведерко вверх дном, чтобы точно убедиться, что «боеприпасы» закончились.

– Нет, серьезно! – стал настаивать Артур. – Так нечестно. Ты выставляешь меня придурком перед этим молокососом, а сам из моего сценария не прочел и буквы!

– С меня достаточно алкогольного отравления... – пробурчал Корсава, откинувшись на спинку софы. – Что ты от меня хочешь? Чтобы я добил себя еще и твоим зельем?

– Роберто, ты не пожалеешь! – Артур кинулся к столу, нашел папку со своим именем, и повернул обратно к Корсаве.

– Стой, где стоишь! – остановил его Роберто с софы. – Если так уж хочется, читай сам, вслух. А мы с Марком послушаем.

Артур бросил на меня недовольный взгляд, подумал было сесть за стол, на рабочее место Бруно, но под недоуменным взглядом Роберто, «передумал», и присоединился ко мне за стеклянным овальным столом. Я, впрочем, сразу же встал и отправился к стойке чего-нибудь себе налить. Пить мне, кстати, совершенно не хотелось, хотелось избежать неприятного соседства.

Но Артур этого не заметил. Он уже всецело был погружен в то, что собирался нам читать.

Глава 5. Рассказ второй

АРТУР МАРТИН, «В САНТА- МОНИКЕ ВСЕ ЛЮБЯТ ГИЛЬЕРМО»

– Ну и работенка у тебя, Макс, – покачал головой Эстебан Линарес, начальник полиции Санта-Моники. Небольшого андалузского городка, в отличие от своего более известного калифорнийского тезки, расположенного не в американском округе Лос-Анджелес, а примерно посередине между Севильей и Малагой, на одном из притоков Гвадалквивир, у подножия западных хребтов Кордильера-Бетики. – Одна радость, что в постоянной прохладе.

– Что правда, то правда, сеньор комиссар, – согласился с полицейским Макс Рибальта, патологоанатом при городской больнице. – Думаю, в это время года я единственный в Санта-Монике, кто имеет шанс подхватить кашель с насморком.

Начальник полиции хохотнул и вытер платком продолжавшую по инерции потеть лысину. В полуподвальной прозекторской действительно было холодновато – не зря на Максе под медицинским халатом был свитер с высоким горлом и длинными, по середину ладоней, рукавами.

– Лукас с Еленой приедут с минуты на минуту. Ты все подготовил? – задал вопрос Линарес.

– Да, конечно, – ответил Макс. – Бумаги на столе. Осталось только подписать.

Возникла небольшая пауза, время которой начальник полиции потратил на изучение просторного помещения морга, хотя по долгу службы бывал тут не раз и до этого. Желтые стены старинной кирпичной кладки, современная холодильная установка для немногочисленных покойников (откуда бы им взяться в Санта-Монике в большом количестве?), письменный стол для оформления положенных переходу из мира живых в мир мертвых документов. В левой от входа стене – дверца, ведущая в скромную по размерам и убранству подсобку, где у Макса, на случай нечаянной ночевки на рабочем месте, стояла кровать с больничным матрасом. Вдоль другой стены – высокие металлические стеллажи с хирургическими инструментами. И широкий стол из нержавеющей стали в глубине помещения, на котором под белой простыней угадывалось чье-то тело.

Впрочем, всем было понятно чье.

Еще раз сокрушенно покачав головой, Эстебан присел на стул возле письменного стола и, чтобы занять время разговором, со вздохом произнес:

– Гильермо, Гильермо... Я всегда за него беспокоился. Такой уж у него характер, да? Постоянно чего-нибудь жди. Балагур. А вы же вместе учились, Макс? Правильно?

– Да, сеньор Линарес. За одной партой, – ответил Макс. – Да и потом тоже. То на рыбалку вместе, то просто по стаканчику вина пропустить...

Макс умолк, погрузившись в недалекие воспоминания. Но быстро опомнился и сказал твердо:

– Но такая уж у меня работа в нашем городе. Кто бы здесь не оказался, а я так или иначе его знаю.

– Да уж, в Санта-Монике друг друга знают все, – согласился глава полиции. – Но где же Лукас? На него не похоже опаздывать.

Лукас Окампо открыл двери в подвал прозекторской прямо посреди фразы Линареса. Высокий статный мужчина, чуть старше тридцатипятилетнего Макса, он снял шляпу и пригнулся, чтобы не ударится головой о притолоку. За ним следом в морг вошла красивая жен-

щина лет тридцати, с красными заплаканными глазами – Елена, супруга Лукаса Окампо. Лукас придержал для нее дверь и помог спуститься вниз по каменным ступенькам.

– Мое почтение, сеньор Линарес, – сказал он начальнику полиции. – Здравствуй, Макс!

– Здравствуйте, – тихим дрожащим голосом поздоровалась Елена сразу со всеми.

Макс задал вопрос начальнику полиции:

– Приступим?

– Да, конечно, – ответил служитель закона.

– Тогда попрошу за мной, – патологоанатом жестом пригласил всех следовать за ним.

Туда, где под светом конусной потолочной лампы, выделялся из обступившей его темноты стол с накрытым простыней телом.

Макс обошел стол кругом и оказался лицом к комиссару и супружеской паре. Которая невольно замедлила шаг, не решаясь подойти ближе.

– Макс! – сглотнув через силу комок в горле, спросил Лукас. – Макс, а это... Это все? В смысле, он там... весь?

Понять странный вопрос было нетрудно. Даже не приоткрывая простыню, по одним ее контурам было очевидно, что целый человек под ней поместиться просто не мог.

– Все, что осталось, Лукас, – с печалью ответил Макс. – Все, что осталось.

– О, боже... – Елена закрыла лицо руками, а Лукас прикрыл рот тульей шляпы.

Из-за закрытой двери подсобки раздался неожиданный шум, будто на пол уронили что-то металлическое, и все автоматически обернулись в эту сторону. Кроме невозмутимого Макса.

– Крысы, – буднично заметил Рибальта. – Снова что-то перевернули. Итак... – Макс вернул внимание к накрытому простыней телу. – Предупреждаю. На лицо лучше не смотреть, от него ничего не осталось. Туловище тоже – то еще зрелище. Но, я думаю, абсолютно все нам осматривать и не нужно?

Макс нашел глазами Эстебана Линареса, и тот кивком головы согласился со сказанным.

– Вот этого, наверное, будет достаточно.

Патологоанатом аккуратно завернул вверх левый угол простыни – так, чтобы обнажилось предплечье трупа. На нем красовалась изуродованная пламенем автомобильной катастрофы, но все же четкая и узнаваемая татуировка. Лицо женщины, треснувшее пополам от удара молнии.

Эту татуировку Лукас, да и многие другие из жителей Санта-Моники, узнали бы безошибочно. Ее носил на своем плече Гильермо Гонсалес, одноклассник Макса и многолетний партнер по бизнесу Лукаса Окампы. И, конечно же, она была знакома и Елене. Это именно ее лицо разлеталось на куски на левой руке лежащего под простыней тела. Гильермо сделал себе этот рисунок на следующий день после их с Еленой развода. Чтобы показать ушедшей от него супруге, насколько больно ему с ней расставаться. Впрочем, сделано это было больше в шутку, чем всерьез. Как и абсолютное большинство из того, что Гильермо в жизни делал вообще.

– Да, это он, – скорбно произнес Лукас. – Я свидетельствую, это Гильермо Гонсалес.

– Я подтверждаю, – тихо, едва различимо, сквозь слезы прошелестела Елена. – Это он. Гильермо.

Начальник полиции Санта-Моники, исполняющий роль коронера, кивнул, и Макс Рибальта, исполняющий роль судмедэксперта, накрыл тело простыней обратно. Но проделал он это довольно неуклюже. Освободившись от удерживающей ее ткани, со стола вдруг резко свесилась вся левая рука трупа. Лукас и Линарес едва не подпрыгнули на месте, а Елена даже взвизгнула. Макс поспешил извиниться.

– Простите, случайно, – и заправил руку под простыню полностью.

Поставив свои подписи в протоколе опознания и на этом закончив немногочисленные формальности этого печального и неприятного дела, Лукас и Елена Окампо, а так же комиссар Линарес, оказались на свежем воздухе.

– Я пойду в машину, – не поднимая глаз, наполненных слезами, сказала Елена и удалилась.

Начальник полиции достал свою неизменную трубку, а Лукас тонкие, мало вредящие организму сигаретки. Закурили. Окампо нужно было перевести дух после увиденного. Смерть партнера, которого они с Еленой вызвались опознать, чтобы не мучить этой бесчеловечной процедурой его мать, и так убитую горем, без сомнений, выбила его из колеи. Пусть между ним и Гильермо было не так все гладко в последнее время, но все же его было искренне жаль. Одно хорошо (если, конечно, так уместно выразиться), их недавние споры по поводу ведения бизнеса можно было считать законченными. Лукас отметил про себя, что в ближайшее время следует поговорить с матерью Гильермо, сеньорой Элеонорой Гонсалес – о том, как быть с их бизнесом дальше.

«Наверное, стоит предложить ей отступить и забрать фирму себе. Тысяч семьдесят должны ее устроить. Или это много? Возможно, было бы достаточно и пятидесяти ...», – размышлял Окампо, дымя ментоловой сигаретой. «Предложу сначала тридцать, а потом станет видно. Если будет настаивать, до пятидесяти всегда можно поднять. А самое реальное – сорок».

Начальник полиции, не зная, о чем думает Лукас, взирал на него с сочувствием. Гильермо Гонсалеса любили в городе. Он был веселым, добрым бездельником, постепенно профукивающим наследство, полученное от почившего отца. Непритязательным жителям Санта-Моники этого было достаточно, чтобы относиться с симпатией ко всем его выходкам, а заодно, и к людям, принимающим участие в его судьбе. Таким, как семья Окампо, например.

По официальной версии, Гильермо разбился на собственном автомобиле, не справившись со скоростью на горной дороге. Машину буквально разнесло по кусочкам, а сам он, пристегнутый ремнем безопасности и поэтому оставшийся в салоне, жутко обгорел.

– Бедная сеньора Гонсалес, – в который раз за последние часы вздохнул Линарес. – Сеньор Окампо, вы сообщите ей? Или мне позвонить?

– Что вы, что вы! – запротестовал Лукас, все еще решающий в уме математические задачки. – Конечно я сам!

Он достал мобильный телефон и, вынув изо рта сигарету, набрал нужный номер. Трубку в доме Элеоноры Гонсалес сняли после первого же гудка. Немолодой, но все еще звонкий и с запасом громкий голос матери Гильермо прозвучал одновременно и с тревогой, и с надеждой.

– Да?!

– Сеньора Гонсалес, – произнес Лукас с сочувствием, но твердо. – Мне очень жаль, но... это он. Ваш сын. Примите мои соболезнования.

На другом конце провода раздались оглушительные рыдания.

– Крепитесь, сеньора. Мне... – Лукас вспомнил о Елене. – Нам... тоже очень горько все это осознавать. Смело рассчитывайте на любую мою помощь. Нашу.

Элеонора Гонсалес произнесла что-то в ответ, но понять, что именно из-за слез и всхлипываний было невозможно.

– И еще, сеньора! Нам бы надо обговорить кое-какие деловые вопросы... – добавил Окампо, но вместо ответа получил новый взрыв рыданий. – Но, конечно, это подождет! После похорон. Держитесь, донья Элеонора, я позвоню вам позже!

Лукас снова поймал на себе сочувствующий взгляд Линареса.

– Бедная мать, – сказал полицейский.

«Меня бы кто пожалел» – подумал Окампо и тоже вздохнул.

На похоронах Гильермо Гонсалеса было пролито много искренних слез. Ярким солнечным днем, каких в это время года становилось все больше и больше, его провожала вся Санта-Моника. Работники офиса и мастерской. Его соседи и одноклассники, их родители и их дети. Те, с кем он хоть раз в жизни выпил чашку кофе или стаканчик чего покрепче. Плюс приехав-

шие из других городов родственники, которых немало у каждого в таком общительном регионе, как Севилья и ее окрестности.

Элеонора Гонсалес, мать Гильермо, была безутешна сверх меры. В прошлом актриса театра фламенко все свои чувства она демонстрировала с профессиональной избыточностью: чересчур ярко и чрезмерно громко. Обыкновенный просмотр телевизионных новостей сопровождался у нее таким спектаклем, как будто умер кто-то из самых близких (или он же выиграл в лотерею миллион евро). И вот, в кои-то веки, эти актерские паузы, драматические репризы и страстные заламывания рук были оправданы и целиком соответствовали ситуации. «Эль-вито» – танец, в котором она всегда была неподражаема, Александр Дюма определил, как «... начинающийся с небрежностью скупающей женщины, усиливающийся с ее нетерпением, переходящий в раздражение и заканчивающийся неистовством в исступленной ярости...». Пришедшие на похороны увидели все стадии, описанные писателем, в самом ярком из возможных исполнений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.